

Заглавия и вводные тексты двух старших русских летописей: Идеология и повествование

Под старшими летописными сводами имеем в виду Начальный свод, отраженный, по господствующему мнению текстологов, в Новгородской первой летописи младшего извода (далее — Н1ЛМ) и в некоторых других летописях,¹ и Повесть временных лет (далее — ПВЛ). В заглавиях² этих сводов выражены их замыслы, и в обоих случаях — это замыслы исторических произведений. Названные летописные своды имеют ряд общих черт и ряд отличий, которые надлежит объяснить, исходя из концептуальных основ той и другой летописи.

Н1ЛМ: «Временникъ, еже нарицается лѣтописанне князен и земля Руския, и како избра Богъ страну нашу на послѣднѣе время, и грады почаша бывати по мѣстом, преже Новгородчкая волость и потом Киевская, и о поставлении Киева, како во имя назвася Киевъ»³ (с. 103).

ПВЛ: «Се повѣсти времяньных лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть»⁴ (с. 9).

Заглавие Н1ЛМ (в котором видят редакцию заглавия Начального свода) существенно отличается от заглавия ПВЛ: оно многопланово, многотемно, но в идейно-художественном плане проигрывает рядом с энергичным, стяженным и содержащим глубокую историческую перспективу названием ПВЛ.

И в том и в другом заглавиях акцентируется хронологический аспект: «временникъ» и «временныхъ»; в Н1ЛМ синонимом «временнику» выступает слово «лѣтописание», уточняющее характер «временника» — «погодникъ»; в другом названии слово «летописание» отсутствует, но есть слово «повѣсти», сопровождаемое, по замечанию Е. Е. Голубинского, хронологическим плеоназмом «временныхъ лѣтъ»,⁵ вызывающим разные толкования. Первыми толкователями подчеркивался хронологический аспект. Для М. И. Сухомлинова

¹ См.: Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2. С. 380—381; Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3—72.

² Следуя традиции, считаем «заглавиями» начальные предложения указанных летописных сводов.

³ Текст цитируется по изданию: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред., с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (страницы указываются в тексте).

⁴ Текст цитируется по изданию: Повесть временных лет. Ч. 1: Текст и перевод / Подгот. текста Д. С. Лихачева, Б. А. Романова; Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (страницы указываются в тексте).

⁵ Исходим из чтения заглавия в Лаврентьевском списке.

это словосочетание синонимично терминам «временник», «летописец», «летопись» (ср. в приписке Сильвестра: «книгы си Лѣтописець»). Обозначение времени, лета, полагает ученый, столь же существенно, как и самого события.⁶ И. И. Срезневский прочитывал эти слова как «рассказ повременный о прошедших годах».⁷ Е. Е. Голубинский также предложил понимать «временные лета» как «лета», «ведущиеся по хронологии». Чтобы избежать кривотолков, историк настойчиво, не боясь тавтологии, разъяснял: «...повесть временных лет значит повесть лет, снабженных хронологией (годами), веденных по хронологии (годам). Этим названием своей летописи автор хочет указать на то ее свойство, что повествование в ней ведется по хронологии, по годам».⁸

Н. К. Никольский акцентировал в толковании заглавия не хронологический, а нарративный аспект; хронология же, по мнению исследователя, сводится к указанию на прошлое: «рассказ о событиях старых лет».⁹ Эту же позицию аргументировал ссылками на Хронику Георгия Амартола и «Тверской сборник» Д. С. Лихачев,¹⁰ переведший «временных» как «минувших». А. А. Гиппиус продемонстрировал лингвистическую и источниковедческую несостоятельность таких толкований и констатировал, что значение «минувших» для слова «вре(ѣ)мя(е)ньныи» не зафиксировано «ни одним из исторических словарей русского языка».¹¹

Усомнился А. А. Гиппиус и в «лингвистической безупречности» интересного толкования М. Ф. Мурьянова, увидевшего во «врѣменьнемъ» антоним вечному.¹² Однако толкование Мурьянова было подхвачено И. Н. Данилевским, который обратился к материалам словарей древнерусского языка и обнаружил, что основными значениями слова «временьныи» являются, по Словарю древнерусского языка XI—XIV вв. (далее — СДЯ), «временный, непостоянный, преходящий», а когда это прилагательное субстантивируется и выступает в роли существительного среднего рода «временьяная», то оно выступает в значении «земное» в противопоставлении «небесному», «вечному»;¹³ обращаясь к Словарю русского языка XI—XVII вв. (далее — СРЯ), И. Н. Данилевский находит значения «не всегда, не вечно существующий», «все земное, не вечное».¹⁴ Однако И. Н. Данилевский обращается к отдельному слову, тогда как в заглавии ПВЛ перед нами словосочетание, возможно даже сращение, учитываемое и словарями. В первом томе СДЯ есть две отсылки словосочетания

⁶ *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // Учен. зап. Второго Отделения АН. СПб., 1856. Кн. 3, отд. 2. С. 28 и след.

⁷ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. С. 319.

⁸ *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1880. Т. 1, 1-я пол. С. 648.

⁹ *Никольский Н. К.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры // Сборник по русскому языку и словесности. Л., 1930. Т. 2, вып. 1.

¹⁰ *Лихачев Д. С.* Комментарий // Повесть временных лет. Ч. 2: Приложения / Статьи и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1950. С. 203—204.

¹¹ *Гиппиус А. А.* «Повесть временных лет»: О возможном происхождении и значении названия // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 449.

¹² «Для существительных темпоральной семантики такое противопоставление в принципе не релевантно» (Там же. С. 450).

¹³ Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.): В 10 т. М., 1988. Т. 1. С. 492.

¹⁴ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 107.

«временьныя лѣта» (С. 492) и «временьныя лѣта» (С. 497) к слову «лѣто», однако в 4-м томе в статье к слову «лѣто», к сожалению, указанных словосочетаний нет. Так что СДЯ указанные словосочетания оставляет без толкования (видимо, по досадному упущению). Значения, приводимые И. Н. Данилевским, не относятся *прямо* к словосочетанию «временьныя лѣта». ¹⁵ СРЯ название «Повесть временныхъ летъ» приводит (без перевода) в статье к слову «временный» под пунктом 3: «своевременный», «происходящий в надлежащее время», при этом есть уточнение: «Книги времени — летописи», ¹⁶ т. е. акцентируется указание на хронологический аспект: писание по летам, по годам. Поэтому вывод И. Н. Данилевского, ссылающегося на словари, о том, что «сочетание всех этих значений в одном слове придавало обороту, избранному летописцем для названия своего труда, определенный мистический оттенок» ¹⁷ — вывод произвольный, основанный на однокоренных словах, но не на «обороте, избранном летописцем», — в одном словаре этот оборот упущен, в другом толкуется без всякой мистики, в рамках понятий учета времени. ¹⁸ Толкование М. Ф. Мурьянова поддержано и Г. М. Прохоровым, приводящим примеры со словосочетанием «лѣта вѣчная» из древнерусских библейских текстов, но аргументация связи этого словосочетания с «временными годами» названия летописи остается на уровне умозрения, т. е. оно возможно, но не поддержано какими-либо реальными словоупотреблениями. ¹⁹ В самой ПВЛ примеров эксплицитного против(со)поставления временного/вечного нет. Поэтому, может быть, преждевременно переносить ударение в слове «временныхъ» на первый слог? ²⁰

Наиболее глубокое, на мой взгляд, толкование фрагмента «временьныя лета» принадлежит А. А. Гиппиусу. Исследователю удастся, во-первых, продемонстрировать, что это словосочетание является фразеологизмом, вырастающим из формулы «времена и лета», и показать путь его формирования; ²¹ во-вторых, указать два непосредственных источника летописного заглавия. Один из них, установленный Г. Лантом, восходит к названию Хроники Ипполита Римского, ²² второй восходит к пасхальному литургическому чтению: «нѣсть ваше разумевати времена и лѣта, яже Отець положи во свое власти» (Деян. 1 : 7). ²³

¹⁵ См.: Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 235.

¹⁶ Словарь русского языка XI—XVII вв. С. 107—108.

¹⁷ Данилевский И. Н. Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. 1995. № 5. С. 104. В книге Данилевского 2004 г. слово «мистический» заменено на «сакральный» (с. 235).

¹⁸ Подробнее см.: Шайкин А. А. Историческая концепция и композиция «Повести временных лет» // Русская литература. 2001. № 1. С. 3—5.

¹⁹ См.: Прохоров Г. М. Древнерусское летописание как жанр // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 6—7.

²⁰ Там же. С. 7.

²¹ См.: Гиппиус А. А. «Повесть временных лет». С. 452—453.

²² См.: Там же. С. 457—458. Хроника Ипполита Римского была, по наблюдениям И. В. Ведюшкиной, одним из источников этногеографических сведений недатированной части ПВЛ. См.: Ведюшкина И. В. «Нарцы еже суть словене» // Восточная Европа в древности и Средневековье: X Чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1998. С. 13—16.

²³ А. А. Гиппиус приводит и иные случаи употребления формулы «времена и лета» в библейских книгах (Гиппиус А. А. «Повесть временных лет». С. 454, сн. 9). О распространённости этой формулы и ее модификаций в древнерусских текстах см.: Там же. С. 452—453.

Значение последнего «источника» должно быть признано основным по причине литургической регулярности. Причастность к Пасхальным событиям, по мысли исследователя, символически связывает начало рассказа об истории Руси с «центральным событием всей человеческой истории».²⁴ Трактую высший уровень смысла выражения *временныя лета*, А. А. Гиппиус пишет: «Время сотворено Богом и пронизано его участием. Оно существует независимо от событий, но события существуют только во времени, и только в изначально предопределенном временном потоке, а не во взаимной причинно-следственной связи обретают свой смысл».²⁵ Соглашаясь с этим, отметим, что без конкретной аргументации отрицание «причинно-следственной связи» между событиями в летописи, восходящее, видимо, к «теории фрагментарности» И. П. Еремина, не может быть принято.²⁶

Разыскания А. А. Гиппиуса не отменяют старого толкования Е. Е. Голубинского, по мнению которого «временные лета» — это лета, обретшие хронологическую последовательность, это указание на их упорядоченность во времени, указание на «погодность».²⁷ Такое толкование максимально соответствует летописному характеру текста: значения, имеющие богословский и мировоззренческий характер, о которых говорят исследователи, наслаиваются поверх хронологического.

Отвечая на вопрос заглавия, «как избра Богъ страну нашу на послѣднѣе время», автор Предисловия НІЛМ сравнивает прошлое и настоящее: «И тако бо есть промысль Божии, еже явѣ в последня: куда же древле погании жряху бѣсомъ, нынѣ же паки туды святыя церкви златѣверхия каменозданныя стоят, и монастыреве велицы поставлени быша, и черноризец в нихъ исполнено бысть <...> ихъ же ради молитвъ мирь стоитъ» (С. 103). Надо, однако, отметить, что в НІЛМ (предположительно и в Начальном своде) тема богоизбранности Руси, кроме приведенных слов Предисловия, не находит событийного развития (лишь в рассказах о крещении Ольги и Владимира, особенно в статьях, сообщающих об их смерти, можно усмотреть реализацию этой идеи), тогда как в ПВЛ, не содержащей в своем заглавии религиозной идеи, тема богоизбранности реализуется в конкретных сюжетах (в нескольких эпизодах предыстории в недатированной части и собственно истории Руси, в ее дохристианском периоде).²⁸ С другой стороны, в словах Предисловия НІЛМ о златоверхих каменозданных храмах в Киеве можно увидеть ответ на пророчество апостола Андрея о том, что «на сихъ горахъ восияеть благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать». Но, как мы знаем, рассказ о путешествии апостола по Днепру есть только в ПВЛ, в НІЛМ этого рассказа нет. Не беремся судить, какие текстологические соображения следу-

²⁴ Там же. С. 456. Признавая известную условность такого допущения, мы не должны сомневаться в возможностях ассоциативного мышления у наших предков: словосочетание, бывшее на слуху (звучавшее на литургии), отсылало к определенному тексту.

²⁵ Там же. С. 454.

²⁶ См.: *Еремин И. П.* Повесть временных лет : Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946 (на обложке: 1947). Нашу критику «теории фрагментарности» см.: *Шайкин А. А.* Поэтика и история: На материале памятников русской литературы XI—XVI веков. М., 2005. С. 29—37.

²⁷ См.: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1, 1-я пол. С. 648.

²⁸ См.: *Шайкин А. А.* 1) Пророчества по известному в «Повести временных лет» // Литературная Россия: Сб. науч. статей. Орел, 2003. С. 118—125; 2) Поэтика и история. С. 174—181.

ют из этого,²⁹ но перекличка — если непреднамеренная, то это даже показательнее — несомненна.

Фрагмент заглавия НІЛМ «преже Новгородчкая волость и потом Киевская» является, скорее всего, амбициозным добавлением позднего новгородского редактора,³⁰ ибо ни в Предисловии, ни в ближайших фрагментах текста тема старшинства Новгорода развития не получает. Напротив, уже в самом заглавии тотчас за этими словами появляется топоним Киев и обосновывается его ведущее значение. Возможно, это место заглавия НІЛМ первоначально (в Начальном своде) читалось так: «...и грады почаша бывати по мѣстом <...> и о поставлении Киева, како во имя назвася Кыевъ».

Заглавие НІЛМ заканчивается обещанием выяснить происхождение названия Киева. С этого и начинается Вступление или Предисловие свода.³¹ В приеме аналогии, к которому прибегает автор Предисловия, объясняя название русской столицы, усматривается сходство со «Словом о законе и благодати» митрополита Илариона. Иларион говорит, что подобно тому, как люди всех стран чтят своих учителей, — «Римская страна» прославляет Петра и Павла, Азия, Эфес и Патм — Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка, так и нам надлежит славить «великого кагана» Владимира.³² Сходным образом объясняется происхождение названия русской столицы в Предисловии НІЛМ: подобно тому как многие города назывались в честь великих людей — Рим в честь царя по имени Рим, Антиохия в честь Антиоха, Селевкия в честь Селевка, Александрия по имени Александра, — так же и «в нашей странѣ зван бысть град великим князем во имя Кия...» (с. 103).³³ Однако объявлять на этом основании Илариона автором Предисловия — гипотеза слишком смелая,³⁴ ибо прием аналогии не является принадлежностью только этих текстов, он был широко распространен в древнерусской письменности.

От названия города автор Предисловия НІЛМ переходит к самой личности Кия. Он сообщает, что одни считают его «перевозником», а другие видят в нем охотника, «ловы дѣяше около града». Эти сведения вызвали полемику одного из авторов ПВЛ, что можно считать косвенным указанием на первичность дан-

²⁹ Можно, например, вопреки высказанному соображению о том, что слова о «каменнозданных» церквях являются ответом на пророчество апостола, предположить, что легенда об Андрее использовала эти слова Начального свода, превратив их в пророчество «задним числом».

³⁰ Д. С. Лихачев считал, что приведенные слова могли появиться только в Новгороде. См.: Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 175. Эту мысль поддерживает А. А. Гишпиус, относя, однако, время вставки к «своду 1167 г.» (*Гишпиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 58).

³¹ Правда, мотив названия города младшими братьями в честь старшего перенесен дальше, под первую дату — 6362/854 г.

³² Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона / Подгот. текста, коммент. А. М. Молдована, пер. диакона А. Юрченко // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 42.

³³ Данное «темное» чтение принадлежит Толстовскому списку (см.: НІЛМ. С. 103, примечание под звездочкой), его прямое прочтение означает, что некий великий князь назвал так город во имя Кия; яснее это место читается в СІЛ: «...прозван бысть градъ велики въ имя Кия...» (Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. М., 2000 Т. 6, вып. 1. С. 11). См. также: *Гишпиус А. А.* Два начала Начальной летописи: К истории композиции «Повести временных лет» // Вестник лингвистов: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 69, ст. 12.

³⁴ См.: *Зборов В. К.* О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995. С. 136—137.

ного фрагмента Предисловия НІЛМ по отношению к соответствующему фрагменту ПВЛ.

В заглавиях НІЛМ и ПВЛ основной является историческая тема, но заявлена она по-разному. В НІЛМ на первый план выходит институт власти — «князеи», а «земля» — народ, территория, государство — оказываются на втором: «лѣтописание князеи и земля Руския». ПВЛ, напротив, сразу начинает с «земли», а тема власти, причем только в аспекте ее происхождения, занимает второе место.

В вопросе о том, какой объем «русской истории» предусматривает заглавие ПВЛ, единства мнений нет. Надо учесть, что словосочетание «Се повѣсти времяньных лѣтъ» — не вполне самостоятельная единица, оно увязано со всем текстом заглавия.

Нередко предполагают, что заглавие относилось только к начальной, но по-разному определяемой в объеме части.³⁵ Отнесение исследователями заглавия ПВЛ только к начальной ее части, объясняется, видимо, тем, что третий вопрос заглавия «откуда Руская земля стала есть» нередко полагают тавтологичным первому — «откуда есть пошла Руская земля». Но в действительности тавтологии нет: «откуда... пошла» — это вопрос о *происхождении*, об *источках*, «стала есть» — вопрос о *становлении*, *сложении* и *бытии* государства, современного летописцу.³⁶ Кроме того, повторим, нет смысла давать название «времяньных» повествованию, не расчлененному на годы. Слово «времяньных» появилось вместе с хронологической таблицей и погодной сеткой. Таким образом, заглавие памятника, известное нам по старшим его спискам, относится ко всему объему летописи и было сформулировано на поздних этапах формирования летописного текста.

При этом надо подчеркнуть разделение летописцем вопросов происхождения династии и образования государства: вопрос о том, кто в Киеве «первѣе нача княжити», не дублируется вопросом «откуда Руская земля стала есть», т. е. как сложилось, сформировалось государство. Конечно, эти вопросы взаимосвязаны, но все же у каждого своя сфера, свой объем. Позднейшие

³⁵ В. О. Ключевский относил заглавие только к «к рассказу <...> прерывавшемуся, по-видимому, на княжении Олега» (*Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1987. Т. 1, ч. 1. С. 98); Н. К. Никольский полагал, что заглавием охватывается повествование о происхождении и древнейшей истории славян и Руси (*Никольский Н. К.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. С. 41 и др.); Б. А. Рыбаков, исходя из жанровых обозначений, считал, что название «Повесть» относилось только к вводной, недатированной, части летописного текста: с введением первой даты кончается «повесть» и начинается «хроника» (*Рыбаков Б. А.* Историческая концепция Нестора, «иже написа летописецъ» // Русское подвижничество / Сост. Т. Б. Князевская. М., 1996. С. 75—76). Несмотря на то что древнерусское слово «повѣсть» имело очень широкий спектр значений (см.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1989. Вып. 15. С. 154—155), в замечании Б. А. Рыбакова мог быть резон, если бы это была «повесть» о каком-то событии, лице и т. д., но в данном случае перед нами повесть «времяньных лѣтъ», т. е. такая повесть, которая была и хроникой.

³⁶ Ср., например, мнение, полагающее, что «летописец разделяет проблемы *происхождения руси* (из Скандинавии) и исторического *становления* Руси — государства в Восточной Европе». См.: *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 67. Ссылка этого же автора в другой работе (*Петрухин В. Я.* «Начало русской земли» в начальном летописании // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 220) на библейскую традицию для объяснения тавтологичности «есть пошла» и «стала есть» неубедительна, ибо тавтологии, как следует из его же цитируемой нами работы 2000 г., на деле нет.

историки, обсуждая ситуацию «призвания варягов», порой смешивали эти вопросы.

Итак, заглавие «Повести временных лет» указывает на хронологичность произведения («временных») и ставит своей задачей выяснить происхождение Руси («откуда есть пошла Руская земля»), персонифицировать начало княжеской власти («кто въ Киевѣ нача первѣе княжити») и рассказать о становлении и бытии государства, *современного* летописцам («и откуда Руская земля стала есть»).

По мысли С. Я. Сендеровича, текст ПВЛ организуют две темы-идеи: государственность и христианизация. При этом, полагает исследователь, «государственная история протекает в рамках истории христианизации. В этой двойной перспективе христианский смысл со всей очевидностью доминирует над государственными событиями, задает им смысл».³⁷ По С. Я. Сендеровичу, мысль о том, что Русь не случайно пришла к христианству позже других народов и что свое включение во всемирную (христианскую) историю она смогла осуществить с помощью чуда — «прозрения Владимира» — определяет всю композицию ПВЛ.³⁸ Вне сомнения, в общем плане С. Я. Сендерович говорит о том, что в ПВЛ действительно есть, и обозначаемое им — существенно. Однако коррективы здесь нужны. Смысл позднего приобщения Руси к христианству, как и путь этого приобщения через «чудо прозрения» Владимира, в ПВЛ, конечно, присутствует, но присутствует, скорее, имплицитно. Явно, аналитически, с элементами рефлексии, эта идея обсуждается в другом произведении — «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона; у Илариона же действительно превалирует «идея христианизации», связанная с «идеей государственности» (и не случайно, что С. Я. Сендерович сам обращается в этом случае не к ПВЛ, а к Илариону и Нестору как автору «Чтения о Борисе и Глебе»)³⁹.

В ПВЛ история «народа Руси» начинается до его включения в христианство: она начинается с появления славянства как части Иафетова «жребия», с возникновения славянского языка по «размещению языков», с дунайской прародины и расселения славян; история «государства Руси» начинается с призвания Рюрика и деятельности Олега и прочих *языческих еще* правителей, и успехами этой языческой, «святославовой» Руси гордился тот же Иларион: «Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычествоваша, нѣ въ Руськѣ, яже ведома и слышима есть всѣми четырьми конци земли».⁴⁰ В ПВЛ преобладающей является

³⁷ Сендерович С. Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. С. 482—483.

³⁸ Там же. С. 481.

³⁹ Там же. С. 480—481.

⁴⁰ Слово о законе и благодати... С. 42—44. По мнению В. Я. Петрухина (Как начиналась Начальная летопись? // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 35), летописец под древними князьями, «расплодившими» Русскую землю, не мог иметь в виду ни Олега, ни Игоря, ни Святослава, ибо значительны упреки, предъявляемые этим князьям в летописи. Но мы видим, что современник летописцев, будущий глава Русской Церкви, гордится этими князьями. Перед процитированными в тексте статьи словами Илариона читаем: «Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами великаа и дивнаа сътворьшааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже въ своа лѣта владычествоуе, мужествомъ же и храбростествомъ прослуша въ странахъ многах, и победами и крѣпостно поминаются нынѣ и словуть».

несомненно «идея государственная», земельная», реализующаяся во всем объеме текста, в том числе и в заглавии ПВЛ. Заглавие ПВЛ является своеобразным планом, в известном смысле — концентрированной идеей произведения, и трудно не заметить, что в нем нет мотива «христианизации», в заглавии все «заземлено»: «...откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть».

Чтобы быть еще точнее, надо сказать, что в ПВЛ доминирующей является даже не идея государственности, а идея *истории* этой государственности⁴¹ и морально-политических уроков, извлекаемых из нее.⁴² У летописцев, конечно, было намерение приобщить историю Руси к христианству, а приобщение удревнить. Это отчетливо видно в начальных фрагментах ПВЛ: в легенде о путешествии апостола Андрея по Днепру, в характеристике полян, знающих «закон» еще до формального принятия христианства, в эпизодах столкновения славянских племен и позже Днепровской Руси с внешними врагами: промыслом Божьим враги повержены, а славяне сохранены. В этих осмыслениях летописца прошлой славянской и русской истории присутствует не просто «христианская идея», а идея богоизбранности славян и Руси.⁴³ Но, повторяем, в ПВЛ эта идея только всплывает время от времени на начальных страницах ПВЛ; ее присутствие в летописи, посвященной истории сложения Руси, несравнимо с ее акцентированным обсуждением у Илариона.⁴⁴ Если, опираясь на заглавие НІЛМ, допускать наличие мотива богоизбранности в заглавии Начального свода, то отсутствие этого мотива в заглавии ПВЛ свидетельствует о том же «земельном» интересе ее авторов.

И. Н. Данилевский, упрекая С. Я. Сендеровича в априорности, оторванности от текста, в собственном толковании «идеи» ПВЛ отрывается от текста еще дальше. Основная идея ПВЛ, по И. Н. Данилевскому, — эсхатологическая. Она обнаруживается, по мнению исследователя, во-первых, в заглавии ПВЛ, во-вторых, в хронологической таблице. И. Н. Данилевский почему-то убежден в том, что «расчет лет, приведенный в статье 6360 г. Повести временных лет, ориентирует читателя на событие, которое призвано завершить повествование, как, впрочем, и всю земную историю вообще: Второе пришествие Христа».⁴⁵ Известный эсхатологизм не мог не присутствовать в сознании христианина-летописца XII в., знающего о конце света и Страшном суде, но это еще не

⁴¹ Наглядно это можно показать только в корпусе большой работы; в сжатом виде см.: *Шайкин А. А.* Историческая концепция и композиция «Повести временных лет» // *Русская литература*. 2001. № 1. С. 3—10. Перепечатано: *Шайкин А. А.* Поэтика и история. С. 144—157.

⁴² Ср.: «...историческая жизнь служит нравственно-религиозной школой, в которой человек должен научиться познавать пути провидения» (*Ключевский В. О.* Курс русской истории. Т. 1, ч. 1. С. 114. См. также: *Еремш И. П.* Повесть временных лет. С. 19—20).

⁴³ Об этом писалось многократно, из последних работ см.: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет. С. 143—144. См. также: *Шайкин А. А.* Пророчества по известному... С. 118—125.

⁴⁴ Ср. с мнением В. Н. Топорова, находящего в идеологии Древней Руси середины XI—начала XII в. три идеи-концепции: 1) «единство в пространстве и сфере власти» — представлена летописанием (ПВЛ), 2) «единство во времени и в духе, т. е. идея духовного преемства» — представлена «Словом о законе и благодати» и 3) «святость как высший нравственный идеал поведения, жизненный принцип» (представлена памятниками Борнсоглебского цикла). См.: *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1: Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 265.

⁴⁵ *Данилевский И. Н.* 1) Замысел и название... С. 107; 2) Повесть временных лет. С. 239—240, 260—262.

означает, что эсхатологическая идея *организовывала текст ПВЛ*. Указаний на заглавие и хронологическую таблицу, даже если их принять, недостаточно. Однако и этих указаний принять нельзя. Выше мы показывали уязвимость толкований И. Н. Данилевским как выражения «временных лѣтъ», так и общего смысла заглавия. Что касается трактовки слова «повѣсть» как «по вѣсти», т. е. «по известию» («по предсказанию, предвозвещению») — это чистый произвол; кстати, это же слово в следующей фразе ПВЛ не подвергается исследователем расчленению: «Се начнемъ повѣсть сию», т. е. здесь «повѣсть» — повесть, повествование.⁴⁶

Хронологическая таблица 852 г. заканчивается указанием на смерть Святополка: не находим оснований считать вместе с И. Н. Данилевским, что летописец, работавший после этого события (смерти Святополка Изяславича), видел в нем завершение земной истории.⁴⁷ Не основаны на аргументах, относящихся к отечественному летописанию, предположения исследователя о том, что «летописец, скорее всего, писал некую „книгу“, которая должна будет фигурировать на Страшном суде». Свой текст, по И. Н. Данилевскому, летописец предназначал особому читателю: «...создаваемый летописцем перечень деяний людей и их моральных оценок, видимо, в первую очередь предназначался для Того, Кому в конце концов должны были попасть летописные тексты».⁴⁸ Вряд ли смиренный летописец мог дерзнуть прямо и вне молитвы обращаться к Всевышнему как к читателю. Кроме того, исследователь утверждает, что «летописи — вопреки широко бытующему мнению — создавались и хранились в тайне».⁴⁹ Но, например, Сильвестр обращается к тем, кто будет читать его труд: «...а иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ», т. е. имеется в виду некая множественность читателей. И читатели «оного великаго Селивестра Выдобыжскаго, не украшая пишущего» были и в XV в.⁵⁰ Известно обращение Лаврентия, переписывавшего с ветхой рукописи, исправлять его огрехи, ибо у него «умъ молодъ — не дошелъ».⁵¹ И никакой тайны хранения здесь не заметно, напротив, прямое обращение к будущим читателям подразумевает их множественность. Молитвенные слова в таких ремарках не относятся к специфике летописного дела, а являются естественными молитвами любого верующего

⁴⁶ Более того, в своей монографии («Повесть временных лет». С. 238) И. Н. Данилевский эту фразу включает в заглавие: «Се по вѣсти временных лѣтъ... откуда Руская земля стала есть — се начнемъ повѣсть сию». Получается, что в пределах одной фразы слово «повѣсть» один раз расчленяется, другой раз — нет; избирательность остается без комментариев исследователя. Оба вышеупомянутых словаря древнерусского языка в статьях к слову «повѣсть» название «Повесть временных лет» дают под значениями: сказание, повествование, рассказ; варианты расчлененного прочтения — «по вѣсть» — не предлагаются.

⁴⁷ А. А. Гиппиус высказал соображения об эсхатологизме свода начала 1090-х гг. (Начального свода, по Шахматову). По концепции исследователя, этот свод мог быть связан с началом княжения Святополка, имеющего крестильное имя Михаил, с этим именем в апокрифической традиции связывались ожидания конца света, отсюда кольцевая композиция этого свода: от Михаила цесаря (Михаила III) до Михаила-Святополка и т. п. См.: *Гиппиус А. А.* Два начала Начальной летописи. С. 82—83. Однако Святополк сел на киевском столе не в 1092 г., а в 1093 г., причем в апреле, т. е. цифра не меняется при учете мартовского года. Если эсхатологические ожидания не осуществились в срок — в 1092 г., то в 1093 г. они должны были бы утратить свою актуальность.

⁴⁸ *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет. С. 266.

⁴⁹ Там же. С. 266.

⁵⁰ БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 252.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. С. 487.

человека, благодарящего Всевышнего за возможность осуществить тот или иной труд.

В научной литературе не утихает полемика по поводу того, относить ли Предисловие к концу XI в., т. е. к Начальному своду, или к XIII в., т. е. к Новгородской летописи. При этом первая позиция связывает Предисловие с Киевом, вторая — с Новгородом.⁵² Хотя первая позиция, на мой взгляд, аргументирована намного сильнее, однозначно этот вопрос решить трудно. В тексте Предисловия есть сообщения, не укладывающиеся в пределы XI в. Так, например, «поганые», о которых упомянуло Предисловие,⁵³ имеют определение «древле». Такое определение язычников естественнее предположить у автора, писавшего существенно позднее XI в., ибо, по сообщениям Н1ЛМ и ПВЛ, еще в 70-х гг. XI в. волхвы устраивали волнения в русских землях, а в 1091 г. «волхвъ явися Ростовѣ», капища языческих богов еще не везде покинули русские города,⁵⁴ т. е. язычники и язычество еще не «древле», а вполне актуальны, если не в самом Киеве, то и не слишком далеко от него.

В качестве сообщения, отсылающего за пределы XI в., иногда рассматривают слова о «златъверхих каменозданных» церквах. Не думаю, что к этому надо относиться вслед за М. Х. Алешковским как к поэтической гиперболе.⁵⁵ Указание на материал — камень — очень конкретно: даже баня, выстроенная из камня, отмечена в ПВЛ.⁵⁶ Если оставаться в пределах летописного текста, то приходится констатировать, что из церквей на рубеже XI—XII вв. в ПВЛ упомянуты лишь две каменные: под 1113 г. в Новгороде и под 1115 г. в Вышгороде, да под 1110 г. упомянута каменная трапезница Печерского монастыря,⁵⁷ и потому множественное число в сообщении о каменных церквах как будто можно считать указанием на время позже рубежа XI—XII вв. Однако в Киеве конца XI в. уже было несколько каменных храмов,⁵⁸ и, следовательно, множественное число правомерно и в пределах XI в. Далее, Предисловие Н1ЛМ, возможно, содержит следы знакомства с заглавием ПВЛ, в частности, как отметил

⁵² В. Я. Петрухин считает составление Предисловия Н1ЛМ делом новгородского летописца XIII в. (Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. С. 73 и др.). Отстаивание позиции А. А. Шахматова, датирующего Предисловие 1093—1096 гг. и локализирующего этот этап летописной работы в Киево-Печерском монастыре. См.: *Гитлис А. А.* 1) К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 51, 52 и др.; 2) Два начала Начальной летописи. С. 60—68.

⁵³ «...куда же древле погании жряху бѣсомъ на горах, нынѣ же паки туды святаы церкви златъверхия каменозданныя стоят» (Н1ЛМ. С. 103).

⁵⁴ Авраамий Ростовский, согласно его житию, в конце XI или начале XII в. застал каменный идол Велеса в Чудовском конце Ростова: «...чюдескый конец поклоняшеса идолу камен»; далее поясняется, что это идол Велеса. См.: Древнерусские предания / Сост., вступ. статья, коммент. В. В. Кускова. М., 1982. С. 130—131. Впрочем, по некоторым данным, Велесу продолжали поклоняться и в XX в. См.: *Седов В. В.* Культурные камни Велеса // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 875—881. См. также: *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет» о язычестве на Руси // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 29—39.

⁵⁵ Ср.: «...слова о киевских златоверхих церквах могут быть чисто поэтическим образом...» (*Алешковский М. Х.* Первая редакция Повести временных лет // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 36).

⁵⁶ Под 1090 г.: «...строеные банное камено, сего же не бысть преже в Руси» (с. 137).

⁵⁷ Хотя надо отметить, что впервые каменный терем упоминается уже в княжение Игоря и Ольги под 945 г. (ПВЛ. С. 40); кроме того, под 1114 г. сообщается о закладке «каменной Ладоги»: «...камениемъ на приспѣ Павломъ посадникомъ, при князѣ Мьстиславѣ» (ПВЛ. С. 197).

⁵⁸ См.: История культуры Древней Руси. М.: Л., 1951. Т. 2. С. 249—263. См. также: *Паннопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982.

Г. М. Прохоров, фраза «...о началъ Русьския земля и о князѣхъ, како откуда быша» отсылает к заглавию ПВЛ,⁵⁹ напоминают о знакомстве с текстом ПВЛ и иные выражения. Так, автор Предисловия НІЛМ заканчивает свой текст словами: «Мы же от начала Рускы земля до сего лѣта *по ряду* извѣстно да скажемъ, от Михаила цесаря до Александра и Исакъя»; статья ПВЛ 852 г. также обещает «по ряду», но не «сказать», а положить числа, точкой отсчета здесь тоже оказывается цесарь Михаил: «Въ лѣто 6360/852, индикта 15 день, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля»; в обеих летописях употребляется выражение «да отсель», из чего опять же должно предполагать, что автору НІЛМ был знаком текст, сходный с ПВЛ. Заглавие ПВЛ и статья 6360 г. предположительно относятся к поздним слоям ее текста. Таким образом, не отвергая аргументации, относящей Предисловие НІЛМ к своду 1093—1096 гг., считаем, что в нем имеет место и позиция (взгляд и текстуальные вкрапления) более позднего автора.

Нет сомнений, что Предисловие, читающееся в НІЛМ, — если не все, то существенные его фрагменты, — писало лицо духовное, обладающее саном, позволявшим ему обращаться с наставительными словами к «стаду Христову».⁶⁰ Но в то же время этот автор не только пастырь, но и «историк»: «Мы же паки на послѣдование возвратимся, глаголющее сиче о началъ Русьския земля и князѣхъ, како откуда быша» (НІЛМ. С. 103). «Историк» не сразу обращается к конкретному материалу: вначале он вспоминает «древнии князеи и мужие ихъ» как идеал, от которого уклонились князья — современники летописца. Причем в качестве идеала, возможно, выступают князья-язычники. Во всяком случае когда автор Предисловия передает слова «древней» дружины: «братие, потягнемъ по своемъ князѣ и по Руской землѣ» (НІЛМ. С. 104), он, похоже, цитирует слова Свенельда и Асмуда, опекавших юного Святослава: «Князь уже потягль; потягнѣмъ, дружино, и мы по князѣ» (НІЛМ. С. 113. Ср. ПВЛ. С. 42).⁶¹ (Дальше, правда, не очень внятное: вроде бы эта же дружина произносит «мало есть намъ, княже, двусоть гривень», но обращение к спискам Предисловия в иных летописях позволяет предположить, что старая дружина, напротив, не поддаваясь жадности, не говорит таких слов: «И не жадааху, глаголюще...».)⁶² Поскольку морально-политические аспекты этого фрагмента Предисловия неоднократно анализировались,⁶³ переходим к собственно историческим материалам начальных фрагментов сводов.

⁵⁹ См.: Прохоров Г. М. Древнерусское летописание как жанр. С. 7.

⁶⁰ Пастырь этот, похоже, имел под рукой Изборник 1076 г. См.: Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи. С. 67—68.

⁶¹ Несмотря на очевидную формульность, выражение с «потягнѣмъ» встречается в тексте ПВЛ кроме приведенного случая еще только два раза: в 971 г. эту формулу употребляет сам Святослав «старый», а в 1068 г., должно быть цитируя своего знаменитого одноименного предка, сходные слова произносит Святослав Ярославич.

⁶² См.: Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 409.

⁶³ См.: Шахматов А. А. 1) Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС. СПб., 1909. Т. 13, кн. 1. С. 213—270; 2) История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 380—412; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. 1948. № 25. С. 323; Аleshковский М. Х. Первая редакция Повести временных лет. С. 34—35; Зиборов В. К. О летописи Нестора. С. 104.

Н1ЛМ, намереваясь вести рассказ «от начала Рускы земля», всемирно-исторической перспективы не предусматривает (впрочем, намек на нее можно усмотреть в сопоставлении Киева с иными знаменитыми городами). В ПВЛ же не просто «начало», а происхождение — «откуда есть пошла», поэтому и диапазон иной: повествование начинается с сыновей Ноя, а хронологическая таблица под 852 г. открывается «от Адама». Отсюда существенно разные идеологические задачи того и другого текста. Начальная фраза ПВЛ⁶⁴ — «По потопись трие сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афеть» — недвусмысленно свидетельствует, что повествование, призванное осветить русскую историю, начинается с библейского события. Следовательно, по логике текста, русская история выводима из библейской. При этом обращение летописца к Библии в ПВЛ не формально: в Священной истории летописец находит такую точку, из которой он может начать отечественную историю и тем самым не уклониться от вопроса, сформулированного в заглавии.

Оба летописных свода открываются сюжетами о трех братьях: Н1ЛМ рассказывает о Кие, Щеке и Хориве, ПВЛ — о Симе, Хаме и Иафете. Инициальная позиция сюжетов вызывает у исследователей соблазн их отождествления.⁶⁵ Но у этих троек разные «идеологические задания» в текстах: полянские братья строят город и, видимо, основывают государство; библейские же *делят* между собой землю и *заключают между собой договор* «не преступати никому же въ жребий братень». Призвать князей-братьев к договору друг с другом — важнейшая морально-политическая задача летописца, пронизывающая текст ПВЛ. Н1ЛМ (и предположительно Начальному своду) эта идея не то чтобы чужда, но там она только намечена, если, например, считать, что завещание Ярослава под 1054 г. уже читалось в Начальном своде. Но библейского текста «разделения и договора», выдвинувшего эту тему в число главнейших, в Н1ЛМ, вероятно, не было.⁶⁶ С моей точки зрения, тот аспект истории сыновей Ноя, который связан с разделением земли и договором между братьями, появился в летописи на поздних этапах: события 1097—1099 гг., вызванные ослеплением Василька Тербовольского, обострили осознание преступности междоусобных войн. Начальный свод по хронологическим соображениям не мог учесть этих событий, акцент на теме *дележа и договора* уместнее связать с работой летописца начала XII в.⁶⁷ Действительно, в тексте договора 1097 г. (а это место в любом случае *за пределами* Начального свода) развита и конкретизирована идея библейских братьев: «Да нонѣ отсельѣ имемся въ едино сердце, и блюдем Рускыѣ земли; кождо да держитъ отчину свою <...> Да аще кто от-сельѣ на кого будетъ, то на того будем вси и крестъ честный» (С. 170—171). Фраза «кождо да держитъ отчину свою» восходит к вводной части ПВЛ, где ее

⁶⁴ В ПВЛ есть вступленис, оно содержит четыре слова: «Се начнемъ повѣсть сию».

⁶⁵ См.: Ранчин А. М. Представления об истории в «Повести временных лет»: Тернарные структуры // Ранчин А. М. Статьи о древнерусской литературе. М., 1999. С. 118—119.

⁶⁶ Соображения о том, что Начальный свод содержал «космографическое введение» (см.: Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. С. 76), отброшенное новгородским редактором, текстологически необоснованны. А. А. Гиппиус допускает неоднородность текста Введения ПВЛ и, следовательно, возможность раннего происхождения его отдельных фрагментов, но все проанализированные им примеры указывают как раз на их позднее происхождение. См.: Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игоревн: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. С. 153—155.

⁶⁷ Ср.: Алетиковский М. X. Первая редакция Повести временных лет. С. 34.

варианты являются чем-то вроде лейтмотива,⁶⁸ и восходит, по мнению В. Я. Петрухина, к библейским текстам (Быт. 10 : 5, 31).⁶⁹

В 2006 г. А. А. Гиппиус выдвинул гипотезу, согласно которой источником Введения ПВЛ был соответствующий текст свода 1072 г.⁷⁰ Разделяя эту гипотезу, напомню о том, что сам исследователь убедительно продемонстрировал хронологическую многослойность Введения ПВЛ,⁷¹ что позволяет наши соображения относительно акцентировки идеи «дележа и договора» на этапе сложения ПВЛ (начало XII в.) поставить в отношении дополнительности к выводам А. А. Гиппиуса, относящего сюжет о сыновьях Ноя и завещание Ярослава к своду 1072 г.

История Ноевых сыновей выполняет роль не только идеологического и политического камертона всей ПВЛ; отсюда же, как известно, начинается ответ на первый вопрос заглавия («откуда... пошла»): имя «Руси» включается в перечень народов, являющихся «коленом» Иафета.⁷² Отметим писательскую самостоятельность летописца: он смело отсекает всю «допотопную» часть всемирной истории, не найдя там ничего, из чего бы он мог приступить к теме «Русской земли», отсекает и самый Потоп, и историю Ноя и его сыновей. Тут виден писательский прагматизм: всемирная история в русской летописи начинается с того момента, когда появляется возможность упомянуть о Руси и славянах. И в то же время здесь дается планетарная картина расселения рода человеческого, причем и самые удаленные «земли» — Индия, Эфиопия и т. д. — не обособлены, все территории пронизаны путями — речными, морскими, по которым можно добраться до любой точки ойкумены; известно, какие народы соседствуют друг с другом, на территориях есть известные ориентиры, словом, все земли в трех «жребиях» — это обжитой человеческий мир.

Второй «библейский» сюжет ПВЛ — о столпе — объясняет происхождение славянского языка, т. е. опять же привлекается только потому, что способен объяснить нечто, имеющее прямое отношение к замыслу, обозначенному в заглавии.⁷³ И в то же время обращения к библейским сюжетам сообщают истории славян и Руси глубину, отсутствующую в НІЛМ: начала отечественной истории в ПВЛ извлекаются из Священной истории.

⁶⁸ Ср.: «живяхо кождо въ своей части» (10), «живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ» (12), «кождо свой нравъ» (14).

⁶⁹ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. С. 76.

⁷⁰ Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи. С. 56—96.

⁷¹ См.: Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игореву. С. 153—155.

⁷² Об источниках этого включения см.: Петрухин В. Я. Славяне и Русь в «Иосиппоне» и «Повести временных лет»: К вопросу об источниках начального русского летописания // Славяне и их соседи. М., 1994. Вып. 5. С. 44—56; Иные точки зрения см.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Л., 1940. Т. 4. С. 44; Борцова И. В. Легендарные экскурсии о разделении земли в древнерусской литературе // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 179. Положительного указания на источник «разделения земли» И. В. Борцова не предлагает. См.: Там же. С. 184—185. По мнению А. Г. Кузьмина, летописцы могли позаимствовать указание о местонахождении «Славен» после «Илюрика» из «Сказания о грамоте славянской» (Кузьмин А. Г. Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи // Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 41).

⁷³ Отметим, что в Речи философа происходит разделение на «70 и единъ языкъ» (64), а здесь на 70 и 2 языка: видимо, автор вводной части ПВЛ добавил один язык — «словѣнскъ, от племени Афетова» (11).

Но и послебиблейскую историю славян ПВЛ раскрывает глубже, чем НІЛМ. В последней (стало быть, и в Начальном своде) нет рассказа о дунайской прародине и о постепенном распространении славян на новые территории: те, которые они занимали во время летописца (и где в основном остаются и по сей день). В отличие от создателя Начального свода, автор вводной части ПВЛ, да и многих погодных статей, вдохновлялся общеславянской идеей: для него важно назвать, перечислить все славянские ветви, племена, роды, назвать места их поселения, объяснить названия, вспомнить имена родоначальников (Радим и Вятко). Этот автор, рассказывая о миграции славян, акцентирует общность их происхождения и языка: «И тако разидеся словѣньскій языкъ, тѣм же и грамота прозвася словѣньская» (С. 11). К этой мысли он неоднократно возвращается в последующем тексте ПВЛ: «Бѣ единъ языкъ словѣнскъ; словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви ... и моравя, и чеси, и ляхове, и поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Симъ бо первое преложены книги, моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунайскихъ» (С. 21). Должно быть, исчерпывающе автор перечисляет те племена-роды, которые говорят по-славянски на территории собственно Руси: «Се бо токмо словѣнскъ языкъ в Руси: поляне, древляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверь, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же велыняне» (С. 13).

В то же время автор ПВЛ хорошо осведомлен и об отличиях разных славянских племен: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, каждо свой нравъ». Речь идет не о разнообразии равноправных обычаев, «законов», но об их культурной иерархии. Если поляне изображаются чуть ли не христианами, то древляне «живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотьски; убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица». Мало отличаются от древлян по образу жизни радимичи, вятичи, север, кривичи «и прочии погани, не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ». Но не только у славян такое неблагополучие в нравах и обычаях, повсюду в мире имеет место такое же неравенство в бытовых привычках, образе жизни у самых разных народов — от халдеев и вавилонян до британцев и амазонок, о чем подробно, со ссылкой на Георгия (Амартола), рассказывает автор недатированной части ПВЛ. В НІЛМ (предполагаем, что и в Начальном своде) есть выражение «прочии погани», и в том же смысле, что и в ПВЛ, но там нет детализированной картины разнообразия «поганских» обычаев славян и иных народов по всему свету, а автор недатированной части ПВЛ прекрасно разбирается в обычаях и пищевых пристрастиях половцев, противопоставляя им, как и всем «поганым», христианский мир. Половецкая тема была особо актуальна именно на рубеже XI—XII вв.⁷⁴

Автору ПВЛ важно показать географическое место Руси в мире, и он дает великолепное описание рек, по которым из Руси можно приплыть в разные земли: «...по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на вѣстокъ дойти въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима же и до племени Хамова» (С. 12). Причем точка, из которой летописец обозревает речные пути, скорее всего, находится на Днепровских холмах.

⁷⁴ Постоянным и опасным фактором русской жизни половцы стали в 90-х гг. XI в. (особенно в 1093—1096 гг.), после 1111 г. половецкая опасность была во многом снята.

Недатированную часть ПВЛ организует композиция «постепенного сужения образов». Вначале перед взором летописца вся планетарная ойкумена, на следие Ноевых сыновей, первое сужение — славянский мир, второе сужение — восточное славянство, и вот теперь, также, видимо, из Киева, летописец обозревает недавнее прошлое только своего государства. Каждое племя-род имеет свое княженъе. Род Кия держит «княженъе в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже положане. От нихъ же кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; тудѣ бо сѣдять кривичи. Таже сѣверь от нихъ. На Бѣлѣозерѣ сѣдять весь, а на Ростовскомѣ озерѣ меря, а на Клещинѣ озерѣ меря же. А по Оцѣ рѣцѣ, где *втечетъ* в Волгу, мурома языкъ свой, и черемиси свой языкъ, морьдва свой языкъ» (С. 13). Отметим, что повествовательно это прошлое еще не завершилось: глаголы здесь в настоящем времени.

Текст Начального свода, вероятно, не содержал еще путешествия апостола Андрея, хотя значение этого сюжета для темы «богоизбранности», заявленной в его (судя по НІЛМ) заглавии, нельзя переоценить.⁷⁵ Начало сюжета органично вписывается в упомянутую статью о речных путях: «А Днѣпръ втечетъ в Понетское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училъ святой Онѣдрѣй, братъ Петровъ, якоже рѣша» (С. 12). В ходе путешествия апостол провидит на днепровских холмах великий город, и тотчас по завершении сюжета в тексте ПВЛ следует рассказ о строительстве Киева. Если рассказ об апостоле Андрее — вставка, то сделана она зрелым мастером, ибо новый текст образует идейно-художественное единство высокого порядка: строительство Киева композиционно сопряжено с пророчеством апостола. В НІЛМ, говорящей в заглавии об избрании Богом Руси на последние времена, подобной сакрализации возникновения Киева нет. Не было ее, видимо, и в Начальном своде.

Полемика ПВЛ о статусе и занятиях Кия соотносится со сведениями Начального свода о Кие-«перевознике», содержащимися в Предисловии НІЛМ. Автор ПВЛ в отличие от современных исследователей, усматривающих в Кие-перевозчике сакральную фигуру, не видит в этом занятии ничего возвышенного и резонно утверждает: «Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в родѣ своемъ, приходившу ему ко царю, якоже

⁷⁵ Согласно мнению текстологов о позднем включении этого сюжета в летопись (см.: *Творцов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод: (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 5—6 (здесь же и библиография)) основывается, в частности, на его противоречии с утверждениями Начального свода и ПВЛ (статьи 983 и 988 гг.) о том, что апостолов на Руси не было. В то же время указывалось на особое почитание апостола Андрея Всеволодом Ярославичем, крестильным именем которого было Андрей. См.: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI—первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 579—582. Существует гипотеза, что актуализация легенды об апостоле Андрее была вызвана письмами византийского императора Михаила VII Дуки переяславскому князю Всеволоду Ярославичу, подчеркнутшему, что одни и те же апостолы проповедовали на их территориях (*Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 126—135, 160—162). Однако высказаны и доказательства, что письма Михаила Дуки были адресованы не Всеволоду, а норманнскому конунгу, утвердившемуся в южной Италии, Роберту Гюискарду (*Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 407—418). Если все же удасться связать сюжет об апостоле Андрее со Всеволодом, тогда окажется странным его отсутствие в Начальном своде.

скажут, яко велику честь приялъ от царя...» (ПВЛ. С. 13). Начальный свод, если исходить из НІЛМ, не знал о контактах Полянского князя с императором и о его попытке закрепиться на Дунае — в сущности, вернуться на свою прародину.

Тем не менее именно с Кия начинается русская история в НІЛМ. О том, что Кий и его братья — поляне, НІЛМ сообщает не сразу, а только в конце сюжета о братьях, тогда как в ПВЛ имя полян появляется раньше упоминания о братьях и принадлежность последних полянам акцентируется сразу.⁷⁶

В ПВЛ «полянская тема» развита намного настойчивее, нежели в НІЛМ. Отличаются и оценки полянского племени в летописях. Оценка полян в НІЛМ противоречива: с одной стороны, поляне — «мужи мудри и смысленѣ», современные летописцу⁷⁷ «кыянѣ» отождествляются с полянами; с другой стороны, они — «бяху же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погани».

Поскольку по этому поводу в последнее время высказывались противоположные точки зрения, имеет смысл остановиться на этом моменте. Приведем летописную фразу целиком: «И бѣша мужи мудри и смысленѣ, нарѣчашася Поляне, и до сего дне от них же суть кыянѣ; бяху же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погани» (НІЛМ. С. 105). А. А. Гиппиус видит здесь не очередное проявление «новгородского патриотизма», а — опираясь в этом на В. М. Живова — «византийско-христианскую историческую перспективу».⁷⁸ Такая позиция не вызывала бы возражений, если бы само строение этой фразы не обнажало ее противоречивость. В. М. Живов рассматривает фразу со столь высокой позиции, с которой ее строение и ее возможная история становятся безразличны: «...вне зависимости от того, к какому слою относится данная фраза, именно такая оценка полян (имеется в виду негативная ее часть. — *А. Ш.*) естественно следовала из универсалистски-христианского взгляда на дохристианское прошлое».⁷⁹ Разделяя эту позицию, А. А. Гиппиус находит ей аналог в тех фрагментах летописи, где русь, нападающая на христиан-греков, изображается злодейским народом. Более того, эти «снижающие акценты», по мысли исследователя, несут важную идеологическую нагрузку в системе русского летописного свода: оттеняют «величие божественного промысла, за сто с небольшим лет сделавшего из варваров и „невегласов“ новых людей христианских».⁸⁰

Эти соображения не кажутся нам безусловно верными. «Снижающие акценты» в «греческих» эпизодах легко объясняются текстологически. Описывая нападения руси на греков, летописцы были вынуждены опираться на греческие источники (не касаемся вопроса, через какое посредство греческие

⁷⁶ НІЛМ говорит, что Кий сидел на горе, где увоз Боричев, «и бе с родом своим»; в ПВЛ этих слов нет. Отсюда можно предположить, что, согласно НІЛМ, у каждого из братьев были свои роды, тогда как ПВЛ считает, что Кий и его братья — один род.

⁷⁷ НІЛМ употребляет здесь выражение «до сего дне»; в тексте ПВЛ формы «до сего дне/дни» и «доньнѣ» встречаются до статьи 1074 г., связанной с кончиной Феодосия Печерского, после 1074 г. эти формы не встречаются, отсюда можно предположить работу летописца-печерянина около этого года.

⁷⁸ Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи. С. 79.

⁷⁹ Живов В. М. Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 178.

⁸⁰ Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи. С. 79.

источники попадали в летопись), негативные оценки руси шли вместе с материалом, «универсалистски-христианский взгляд» позволял оставить их (в смягченном виде) в тексте, но источник таких оценок — внешний. В случае же с полянами внешних источников не было, это местный материал. Текст ПВЛ позволяет предполагать, что в его источнике негативных оценок полян не было, напротив, поляне по нравам изображаются почти христианами: «Поляне бо своих отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху, брачный обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечерь, а завѣтра приношаху по ней что владуче» (ПВЛ. С. 15—16). Эмоциональный порыв автора ПВЛ в конце этого пассажа и вовсе отождествляет полян с христианами: «Мы же хрестияне, елико земля, иже вѣрують въ святую Троицу, и въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся» (ПВЛ. С. 16). Для такого отождествления есть и логические основания: прежние поляне и нынешняя русь-христиане — есть одно: «поляне, яже нынѣ зовомая Русь» (ПВЛ. С. 21).

В Комиссионном списке НІЛМ поляне отождествляются не с «русью», а с «кыянами» и, строго говоря, в строении фразы обличения в поганстве относятся именно к киевлянам («...кыянѣ; бяху же поганѣ...»), а это как раз и выдает «новгородскую» позицию автора. А. А. Гиппиус полагает, что исконным следует считать чтение Троицкого списка НІЛМ, в котором отмечается, что нынешние поляне в Киеве — от тех полян: «...нарицахуся Поляне, от нихже суть Киеви Полянѣ и до сего дни...» (НІЛМ. С. 513).⁸¹ На мой взгляд, Комиссионный список продолжил и обострил то, что намечено в Троицком: поляне и здесь принадлежат только киевскому локусу.

В силу того, что негативная характеристика полян-киевлян в НІЛМ,⁸² вероятно, заимствована из Речи философа,⁸³ можно предполагать, что она не относится к первоначальному тексту.⁸⁴ Есть вставки, которые создают некое новое идеологическое и художественное целое, но есть и такие, в результате которых нового целого не возникает, фрагменты остаются в противоречивом состоянии; данный случай в тексте НІЛМ именно таков.

Поляно-хазарским сюжетом завершается недатированная часть ПВЛ. В начале этого сюжета (и в НІЛМ, и в ПВЛ) читается сообщение о том, что полян обижали и древляне, и иные «окольные», т. е. конфликт с хазарами вписывается в череду утеснений «кротких и тихих» полян. Сюжет этот многократно анализировался, в том числе и нами,⁸⁵ поэтому укажем только, что идеологически он вписывается в тему «богоизбранности» Руси: враги ее уничтожаются (обры, хазары), а Русь сохраняется.

⁸¹ Там же. С. 80.

⁸² «...по диаволу научению ови рощениемъ вѣроваша и кладяземъ и рѣкамъ, и не познаша Бога» (НІЛМ. С. 137. Ср.: ПВЛ. С. 64).

⁸³ Указание А. А. Шахматова (см.: Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1. С 359, примеч. 1).

⁸⁴ Ср.: Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. С. 76—77.

⁸⁵ См.: Шайкин А. А. Поэтика и история. С. 97—99.

НІЛМ (и, вероятно, Начальный свод) тотчас за поляно-хазарским сюжетом упоминала о других находниках-варягах — Аскольде и Дире, которые сумели овладеть полянами. ПВЛ же вслед за поляно-хазарским сюжетом помещает первую дату, разворачивает хронологическую таблицу и рассказывает о деятельности императора Михаила, при котором Русь «приходила» на греков.

По сравнению с НІЛМ, в ПВЛ происходит существенная перекомпоновка материала: Аскольд и Дир перемещаются во время после призвания варягов, и ПВЛ объявляет их «боярами» Рюрика. НІЛМ не связывает их с Рюриком и ничего не знает о походе Аскольда и Диры на греков,⁸⁶ тогда как в ПВЛ они совершают этот поход в 6374/866 г. Но оба летописных свода считают их варягами. В. Я. Петрухин находит, что версия ПВЛ ближе к исходной, а версия НІЛМ является новгородским продуктом XIII в.⁸⁷ Однако автором не предложено объяснение, зачем новгородскому редактору XIII в. потребовалось отъединять Аскольда и Диру от Рюрика и ломать традицию, уже связавшую их. На мой взгляд, версия НІЛМ именно в силу логической невыстроенности ближе к версии Начального свода и, может быть, к исторической реальности: Аскольд и Дир, с одной стороны, Рюрик, с другой — «находники», представляющие разные волны варяжского проникновения; расправа с Аскольдом и Диром членами рода Рюрика только подтверждает это. ПВЛ, стремясь логизировать ход событий и исходя из идеологии «единой династии», увязала этих персонажей, создав новый и по-своему цельный сюжет.⁸⁸

Но уже НІЛМ (и предположительно Начальный свод) перестраивали какой-то предшествующий материал, ибо, сообщив об Аскольде и Дире, правящих после Кия и его братьев, летопись опять возвращается во времена Кия, рассказывает о независимых княженьях у словен, кривичей и мери, добавляя к ним и чудь, и об обложении их всех данью варягами. В НІЛМ данничество северных племен варягам и изгнание варягов — это единый сюжет; в ПВЛ эти сведения разделены двумя годами и становятся разными годовыми статьями. ПВЛ отрывает эту ситуацию от имен Кия, Щека и Хорива, рассказывая о ней под 6367/859 г. без упоминания каких-либо правителей.

Статья ПВЛ 859 г., на мой взгляд, очень значительна в идеологической системе этой летописи. Здесь подводится итог определенному периоду в жизни восточного славянства, который мы определили как догосударственный, родо-

⁸⁶ У В. Я. Петрухина (*Петрухин В. Я.* Как начиналась Начальная летопись? С. 34) есть не вполне ясное замечание о том, что при Михаиле III «на Царьград приходил не Кий, а Аскольд и Дир, о чем и рассказывается в той же статье (6362 г. — *А. Ш.*) НІЛ». При этом сделана сноска не на текст НІЛ, а на М. Н. Тихомирова (*Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 51—53). Однако ни у Тихомирова, ни в статье 6362 г. НІЛМ не говорится, что Аскольд и Дир возглавляли поход на греков; в НІЛМ только сообщается, что Русь приходила в Царьград на кораблях, но не указывается, кто возглавлял этот поход. О. В. Творогов считает, что «имена предводителей похода — князей Аскольда и Диры — впервые появляются в ПВЛ и уже оттуда, через посредство летописного свода XV в., переносятся в одну из разновидностей <...> второй редакции Ам<артола>» (*Летописец Еллинский и Римский. Т. 2: Комментарий и исследование О. В. Творогова. СПб., 2001. С. 102*).

⁸⁷ *Петрухин В. Я.* 1) «Начало русской земли» в начальном летописании. С. 221; 2) Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. С. 71.

⁸⁸ Текстологические обоснования первичности чтений НІЛМ по сравнению с ПВЛ об Аскольде и Дире см.: *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод. С. 11—15.

племенной.⁸⁹ Смысл его состоит в том, что живущие розной жизнью славянские «племена» утратили самостоятельность и стали данниками: северные — варягов, а центральные и юго-восточные — хазар: «Въ лѣто 6367/859. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнх, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ. А козари имаху на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма» (С. 18).

В ПВЛ производилась такая перестройка текста, которая придавала схожим с НІЛМ сообщениям более глубокий и принципиальный смысл. В НІЛМ варяжское обложение данью северных «племен» и изгнание варягов, так же как и последующее их призвание, — это местный сюжет, только иногда пробивающийся к общерусскому масштабу: «И от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣх словет Русская земля...». Но тут же повествование опять соскальзывает к «местному колориту»: «...и суть новгородстии людие до днешнего дни от рода варяжьска» (НІЛМ. С. 106). ПВЛ делает к этим словам небольшое добавление — «преже бо бѣша словѣне», — которое преодолевает североцентризм, оставляя новгородцев в общеславянском узусе.

Присмотримся к отличиям сюжета призвания варягов в обоих сводах.

Во-первых, в ПВЛ этот сюжет самостоятелен в том смысле, что он оторван от имен Кия, Щека и Хорива, оторван от непосредственного конфликта с варягами. В НІЛМ варягов (как бы еще во времена Кия) изгоняют потому, что они «насилъе дѣяху словеномъ, кривичемъ и мерямъ и чюди» (НІЛМ. С. 106). В ПВЛ этого нет: там статья 859 г. дает ситуацию утраты самостоятельности «племен» по всей Русской земле, не упоминая о частных конфликтах, и затем с интервалом в два года под новой датой (6370/862 г.) начинает сразу с изгнания варягов. Тем самым ситуация изгнания изображается в более принципиальном виде: она не связана с каким-либо локальным конфликтом.

То, что начинает происходить после изгнания, в обоих сводах изображается сходно: названные «племена» перешли на самоуправление («начаша влаждети сами собѣ»), стали возводить собственные укрепления («города ставити»), вскоре между ними разгорелись распри: «въсташа сами на ся воевать, и бысть меж ими рать велика и усобица» (НІЛМ. С. 106).

Кажется, в этом случае ПВЛ ближе передает текст Начального свода, чем НІЛМ. Так, рассказывая о межплеменных распрах, НІЛМ говорит: «...въсташа град на град», в ПВЛ этот текст выглядит более архаичным: «...въста родъ на родъ». С другой стороны, в ПВЛ и эта ситуация выглядит как более обобщенная и — принципиальная. В обеих летописях межплеменные войны осуждаются: «не было в них правды», но в НІЛМ эти слова являются выводом из описанных конфликтов, тогда как в ПВЛ эта сентенция предшествует описанию событий и тем самым сразу, так сказать в позиции «до», оценивает их: «...и не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на родъ, и быша в них усобицѣ, и воевати почаша сами на ся» (С. 18).

Кроме того, ПВЛ подробно уточняет, кого надо иметь в виду под варягами. Если НІЛМ просто говорит: «Идоша за море к варягомъ», то ПВЛ добавляет здесь: «к руси. Сиче бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свеи, друзии же урмане, англыане, друзии гѣте, тако и си». В НІЛМ читатель из *контекста* понимает, что к варягам обратились послы словен, кривичей, мери и

⁸⁹ Подробнее см.: Шайкин А. А. Поэтика и история. С. 152—153.

чуди, а ПВЛ находит нужным уточнить: «Рѣша русь, чюдь, словѣни, и кривичи и вси», ибо контекст ПВЛ этого не прояснил бы. А. А. Шахматов в издании 1916 г. приведенные слова ПВЛ относил к своду, созданному после Начального.

Есть еще одно интересное отличие. В ПВЛ читаем о приходе варягов: «И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь...». В НІЛМ вместо слов «всю русь» читаем: «дружину многу и предивну». Вероятно, это можно истолковать как еще один аргумент в пользу того, что под «русью» понималось окружение князя, дружина. Однако это место не походит на «ученые» рассуждения книжника — налицо фольклорное, песенное звучание формулы НІЛМ. Похоже, что устнопоэтическая обработка предания о призвании развилась на новгородской почве, если только не допускать, что уже Начальный свод использовал фольклорный источник.

Итак, ПВЛ в недатированной части отличается от Начального свода (по тексту, сохраненному НІЛМ) следующими содержательными фрагментами:

всемирно-исторической перспективой: выведением отечественной истории из истории «священной» и славянского языка из библейского «разделения» языков, а также начертанием планетарной ойкумены с привязкой к отечественным географическим ориентирам: как из Руси можно достичь Симова и Хамова «жребиев»;

воспоминанием о Дунайских временах, о расселении славян вследствие конфликта с «волохами», что вызывает воспоминание о последующих врагах — обрах, а затем и печенегах; ПВЛ показывает, как по одному и тому же пути прокатываются волны разных кочевников: угры, печенеги и позже половцы;

рассказом о путешествии апостола Андрея, в ходе которого будущая Русь получает апостольское благословение пророчество о Киеве;

описанием собственно Русской земли с перечислением племен, говорящих по-русски, и племен не русских, но платящих Руси дань; здесь же взгляд на весь славянский Восток — «Великую Скуфь».

этнографической статьей, противопоставляющей культурных полян дикости прочих славянских племен (тема статьи дополнена историческим нравоописательным экскурсом в прошлое с опорой на Хронику Георгия Амартола и возвращением к актуальным для времени летописца половцам).

перенесением в недатированную часть поляно-хазарского сюжета, размещенного в НІЛМ под 6362/854 г.

После этого повествования ПВЛ и НІЛМ (предположительно и Начального свода) смыкаются. Автор ПВЛ ставит первую дату, но не 6362/854, а 6360/852, проставляет индикт, ссылается на запись об упоминании Руси в греческом летописании (о приходе Руси на Греков при царе Михаиле) и развертывает хронологическую таблицу от Адама до Святополка. Начальный свод, возможно, еще не был собственно летописью со сплошной погодной сеткой, ибо вслед за датой 6362 г. второй датой в НІЛМ оказывается 6428 г., т. е. пропущено 66 лет, тогда как в ПВЛ за датой 6360 идет сплошная нумерация годов (с редкими ис-

ключениями, каждое из которых надо рассматривать отдельно). Перестройка предшествующего текста видна и в дальнейшем повествовании.⁹⁰

Рассмотренные дополнения и перестановки демонстрируют особое идейно-композиционное построение ПВЛ, автор которой размыкает нижние границы отечественной истории в глубь истории всемирной. Перед нами не только количественное увеличение повествовательного материала: сопряжение отечественной и библейской истории свидетельствует о новой концепции места Руси в христианском мире, складывающейся на рубеже XI—XII вв. Заглавия, проанализированные в начале статьи, отражают качественное своеобразие замыслов обеих летописей.

⁹⁰ Об отличии указанных летописей в освещении деятельности двух первых киевских князей Олега и Игоря см.: *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод : Текстологический комментарий). С. 15—25; *Шайкин А. А.* Олег и Игорь в Новгородской первой летописи и «Повести временных лет» // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 607—626.